

Два человека, пять городов
и ни одной встречи.
У них остался последний шанс

Параллельные

Мира Ле

Мира Ле
Параллельные

«Автор»

2026

Ле М.

Параллельные / М. Ле — «Автор», 2026

Аня живёт в Лиссабоне. У неё есть муж, мастерская, привычные маршруты, кофе по утрам и жизнь, в которой всё почти правильно. Почти. Двадцать лет назад в Риме она встретила Максима Баркова. Они не стали парой. Не успели. Не смогли. Разошлись по разным городам, бракам, решениям и чужим жизням. Но некоторые встречи не заканчиваются только потому, что люди уходят в разные стороны. Максим тоже пытался жить дальше. Снимал города, любил других женщин, уезжал всё дальше, пока однажды не понял: есть чувства, которые не проходят. Они просто становятся тише. Теперь они оба в Лиссабоне. В одном городе. На соседних улицах. Почти рядом. И, кажется, город уже всё решил за них. В книге есть: Взрослые герои. Любовь длиной в двадцать лет. Лиссабон, Рим и Стамбул. Очень медленное сближение. Saudade, тоска по тому, что могло быть. Эмоционально, тонко и чувственно. Открытый финал с надеждой. Добавляйте книгу в библиотеку и не забывайте награждать звёздочками!

© Ле М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая. Сейчас	6
Глава 1. Аня	7
Глава 2. Максим	12
Глава 3. Аня. 2005	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мира Ле Параллельные

Глава

Saudade — тоска по тому, чего, может, никогда и не было — но что болит так, будто было.

Часть первая. Сейчас

Она никогда не переставала его любить, просто похоронила.

Аккуратно, без лишнего шума — как хоронят что-то, о чём не хочется говорить вслух. Завернула в воспоминания, опустила на дно, поставила сверху другую жизнь. Жизнь получилась вполне приличная. С видом на реку Тежу, с мужем, который не делал ничего плохого, с работой, которая кормила и почти радовала.

Почти — это слово, которое Аня научилась не замечать.

Глава 1. Аня

Кофе она варила только на плите.

Педро не понимал зачем — у них стояла итальянская кофемашина, которую он выбирал три недели, читал обзоры, возил её смотреть в магазин дважды. Машина умела делать капучино с рисунком на пене, помнила температуру его чашки и издавала звук, похожий на довольное мурчание. Педро любил её почти нежно.

Аня варила на плите.

Медная турка, которую она привезла из Стамбула ещё до замужества, стояла на конфорке и шипела. Кофе поднимался медленно — нужно было следить, не отходить, поймать момент до того, как убежит. Педро говорил, что это нерационально. Аня думала, что именно это ей и нравится: хоть что-то в доме требовало, чтобы она была рядом.

За окном Лиссабон просыпался с ленцой. Было начало октября — месяц, когда туристы уже почти разошлись, а город снова становился собой: чуть облезлым, пахнущим морем и выпечкой, с бельём на верёвках между домами и кошками на ступенях. Аня любила октябрь. В октябре можно было выйти на улицу и не чувствовать себя декорацией в чужом путешествии.

— Ты сегодня во сколько? — Педро вошёл в кухню уже одетый, в своей неизменной льняной рубашке. Он всегда одевался раньше, чем завтракал. Аня никогда не понимала этой логики.

— В десять первый клиент, — сказала она, не оборачиваясь. — Потом встреча с Сашей.

— С Сашей? — в его голосе была та особая нейтральность, которую он использовал, когда хотел что-то сказать, но не хотел, чтобы это выглядело как претензия.

Саша — Александра Соколова, подруга Ани с университета, три года назад тоже осевшая в Лиссабоне — была, по мнению Педро, «слишком громкой». Он никогда не говорил этого прямо. Просто когда Аня возвращалась от Саши, в доме на несколько дней становилось чуть напряжённее, как бывает перед грозой, которая в итоге не случается.

— С Сашей, — подтвердила Аня.

Педро налил себе кофе из машины — та мурлыкнула — и раскрыл ноутбук. Разговор был закончен. Собственно, он почти и не начинался.

Аня смотрела на пену в турке и думала, что умение вот так заканчивать разговор, не заканчивая его, — это, наверное, и есть главный навык долгого брака. Не ругаться. Не выяснять. Просто — переключиться на ноутбук и сделать вид, что всё в порядке. Они оба умели это делать. Она даже не была уверена, кто из них научил этому другого.

Кофе убежал.

— Чёрт, — сказала она тихо, убирая с плиты турку. Педро не поднял взгляда.

Мастерская находилась в десяти минутах от дома, но Аня всегда шла двадцать пять. Через Алфаму.

Это был крюк — она знала это, Педро знал это, даже приложение в телефоне знало это и каждый раз вежливо предлагало другой маршрут. Аня всегда отклоняла. Говорила себе, что в Алфаме лучше думается. Что утренний свет там особенный — он бьёт в жёлтые стены под таким углом, что кажется, будто дома светятся изнутри. Что ей нравятся коты, которые сидят на ступенях и провожают её взглядом с достоинством маленьких сфинксов.

Всё это было правдой.

Но правда была и в том, что в Алфаме она позволяла себе думать о том, о чём в другое время не думала. Или думала, но не замечала, что думает, — это разные вещи.

Сегодня она шла по Руа-де-Санта-Марта и смотрела, как пожилой мужчина поливает герань на балконе. Вода стекала вниз тонкими нитями. Мужчина делал это сосредоточенно,

как делают что-то, в чём весь смысл — именно в повторении. Каждое утро. Одни и те же цветы. Один и тот же балкон.

Аня подумала, что не знает, завидует она ему или нет.

Телефон завибрировал. Саша.

Кафе в час? У меня новости. Большие.

Аня остановилась, написала «да», убрала телефон. Саша всегда писала «большие новости» — однажды это оказалась новая собака, однажды — развод, однажды — просто новый оттенок краски для стен. Никогда не угадаешь.

Она снова посмотрела на мужчину с геранью. Он уже ушёл. Балкон был мокрым и пустым.

Клиентку звали Марина Брага, ей было сорок два, и она хотела переделать гостиную.

— Понимаете, — говорила она, сидя напротив Ани и сжимая в руках телефон так, будто тот мог в любой момент сбежать, — я хочу, чтобы было... уютно. Но стильно. И не слишком тёмно. Но и не слишком светло. Вот как у подруги — вы видели фотографии, которые я прислала?

— Видела, — сказала Аня.

— Вот примерно так. Но не так.

Аня кивнула. За семь лет работы она научилась слышать, что именно люди хотят сказать, когда говорят «не так». Как правило, они хотели сказать: «У меня в голове есть образ, но я не умею его описать, и мне страшно, что вы сделаете что-то неправильное, и тогда я потрачу деньги и всё равно буду несчастна». Это был нормальный страх. Аня его понимала.

— Расскажите мне, как вы проводите вечера в этой комнате, — сказала Аня.

Марина Брага моргнула.

— Как провожу? Ну... сижу. Смотрю что-нибудь. Иногда читаю.

— Одна?

— Чаще — да. Муж уезжает в командировки.

— А когда он здесь?

Пауза. Небольшая, но Аня её заметила.

— Ну... мы смотрим вместе. Иногда.

— Хорошо. — Аня раскрыла блокнот. — Давайте сделаем два варианта. Один — для вас одной. Тёплый, с местом для книг, с правильным светом для чтения. Другой — на двоих. Более нейтральный, с диваном, где можно сидеть рядом.

Марина Брага посмотрела на неё с каким-то странным выражением — не то благодарности, не то узнавания.

— Вы понимаете, — сказала она тихо. Не вопрос — утверждение.

— Немного, — ответила Аня.

Они помолчали. За окном мастерской проехал трамвай — старый, жёлтый, скрипящий так, что закладывало уши. Лиссабонский трамвай скрипит как живое существо, которому немного больно, но которое всё равно едет.

Аня перевернула страницу и начала набрасывать контуры.

Саша уже сидела в кафе, когда Аня пришла. Кафе называлось «А Жанела» — «Окно» — и было одним из тех мест, куда не водят туристов, потому что здесь не было ничего фотогеничного: желтоватые стены, пластиковые стулья, зато кофе как у бабушки и пирожные «паштел де ната», от которых можно на секунду забыть, что у тебя есть проблемы.

У Саши были проблемы. Это было видно сразу — она уже выпила один кофе и крутила в руках второй, а ещё успела съесть два пирожных, что для неё означало состояние лёгкой боевой готовности.

— Давай сразу, — сказала Аня, садясь. — Что случилось?

Саша была рыжей, громкой, и умела смотреть на людей так, будто видела их насквозь. Когда-то это пугало Аню, потом стало самым ценным качеством — единственный человек в Лиссабоне, от которого не нужно было прятаться.

— Ничего не случилось, — сказала Саша. — Всё наоборот. Случилось хорошее.

— Ты съела два «паштел».

— Я в волнении ем сладкое. Это хорошее волнение. — Саша поставила чашку. — Меня позвали в Порту. Открывать галерею. Собственную. Ну, почти собственную — партнёры есть, но я буду куратором, это моё, понимаешь?

Аня посмотрела на неё.

— Порту — это три часа на поезде, — сказала она.

— Два с половиной. — Саша смотрела на неё с той прямоотой, от которой хотелось одновременно и отвернуться, и не отрываться. — Ань. Ты рада за меня?

— Конечно, рада, — сказала Аня. — Это правда здорово. Ты давно хотела.

— Я давно хотела, — согласилась Саша. — Но ты сейчас думаешь не об этом.

— О чём я думаю?

— О том, что я уеду. И ты снова останешься одна. — Пауза. — Не одна. С Педро. Что, в зависимости от дня, одно и то же.

Аня взяла со стола пирожное.

— Не говори так, — сказала она.

— Анечка. — Саша накрыла её руку своей. — Я говорю не потому что хочу сделать больно. Я говорю потому что скоро уеду и потому что ты моя единственная подруга в этом городе и потому что я смотрю на тебя уже три года и вижу, как ты... уменьшаешься. Понимаешь? Вот ты была такая — Саша развела руки, — а теперь вот такая. — Она сблизила ладони.

— Я не уменьшаюсь, — сказала Аня. — Я просто устала.

— Ты устала пять лет назад. Теперь это другое.

За окном прошла группа туристов — они фотографировали трамвайные пути, смеялись, держали друг друга за руки с той лёгкостью, которая бывает только когда ты приехал куда-то на неделю и у тебя нет с этим городом никакой истории.

— Ты не уедешь сразу? — спросила Аня.

— Через два месяца, наверное.

— Два месяца — это много.

— Не много. — Саша убрала руку. — Ань, можно я спрошу кое-что? Ты не обязана отвечать.

— Спрашивай.

— Ты счастлива?

Аня посмотрела на пирожное в своей руке. Оно было тёплым, пахло ванилью и корицей, тесто чуть хрустело. Она ела «паштел де ната» сотни раз за эти годы, и каждый раз это было хорошо — не счастье, но хорошо. Устойчиво. Надёжно.

— Я в порядке, — сказала она.

Саша кивнула. Не поверила — Аня видела это, — но кивнула. Потому что иногда единственное, что можно сделать для человека — это принять его ответ, даже зная, что это не весь ответ.

— Хорошо, — сказала Саша. — Тогда расскажи мне про клиента. Который сегодня с утра.

— Клиентка. Хочет переделать гостиную.

— И?

— И у неё муж в командировках.

Саша посмотрела на неё долго.

— Ань, — сказала она наконец, — ты ведь знаешь, что я имею в виду, когда говорю про «уменьшаешься»?

— Знаю.

— И?

Аня отпила кофе. Он был горьким и очень горячим, и она почувствовала, как жжёт язык — но не убрала чашку.

— И ничего, — сказала она. — Всё нормально, Саш. Правда.

Саша не ответила. За окном снова проехал трамвай — другой, но такой же скрипящий. Лиссабон был полон вещей, которые болели, но продолжали двигаться.

Аня смотрела им вслед и думала: вот если бы можно было просто спросить себя — не риторически, а по-настоящему, как спрашивают незнакомца на улице, — ты счастлива? — что бы она ответила?

Она не знала.

И это, наверное, уже был ответ.

Вечером она рисовала.

Не для работы — просто так, в блокноте, который никто никогда не видел. Это была привычка с университета: когда внутри становилось слишком много всего, она брала карандаш и рисовала что попало. Лестницы. Окна. Иногда лица — но лица чаще всего выходили одинаковыми, поэтому она старалась рисовать архитектуру.

Педро смотрел телевизор в соседней комнате. Иногда оттуда доносился смех — он смотрел что-то смешное.

Аня рисовала лестницу.

Длинную, уходящую вверх, с перилами, которые чуть наклонялись вправо. Такие лестницы были везде в Алфаме — старые, стёртые, пахнущие сыростью и временем. Она любила их за то, что они не притворялись. Стёрлись — и пусть. Наклонились — и ладно. Всё равно держат.

Снизу тихо играло что-то. Она прислушалась — фаду. Педро никогда не слушал фаду, значит, это из соседней квартиры. Через стену доносился женский голос, усталый и красивый, певший о том, что нельзя забыть то, чего, может, и не было.

Аня опустила карандаш.

Сегодня, когда она шла через Алфаму, ей показалось — на долю секунды, на один шаг — что кто-то смотрит ей вслед. Она обернулась. Никого. Только кот на ступенях, который смотрел в другую сторону с видом кого-то, кто давно перестал кого-то ждать.

Она не стала додумывать, кого именно ей показалось.

Не стала — и правильно сделала.

Карандаш снова лёг на бумагу. Лестница вышла длинной — той, которая уходит выше, чем видно, и непонятно, куда приводит.

Аня этого не дорисовала.

Закрыла блокнот. Вышла к Педро.

— Что смотришь? — спросила она.

— Сериал. Португальский. Смешной.

— Можно с тобой?

Он посмотрел на неё — удивлённо, чуть тепло — и подвинулся на диване.

— Конечно.

Она села рядом. Не вплотную — между ними было пространство, которое оба чувствовали и в которое оба предпочитали не смотреть. Но рядом. Это тоже что-то значило.

На экране кто-то смеялся над чем-то, чего Аня не поняла — она не успела смотреть с начала. Педро тихо объяснял: вот этот персонаж думает, что та его не видит, а она всё прекрасно видит, просто молчит.

— А зачем молчит? — спросила Аня.

Педро пожал плечами.

— Не знает, что сказать. Наверное.

Аня смотрела на экран.

— Понятно, — сказала она.

И это было правдой, и кое-чем большим, чем правда, и они оба сделали вид, что просто смотрят сериал.

Ночью она не спала.

Лежала и слушала город. Лиссабон ночью — это тихие шаги где-то внизу, кошачьи разговоры на крышах, запах моря, который сильнее, когда темно. И где-то на краю этой тишины — фаду. Всегда фаду. Этот город не умеет молчать о том, по чему тоскует.

Аня думала о Саше, которая уедет через два месяца.

О Марине Браге с её гостиницей и мужем в командировках.

О лестнице в блокноте, которую она не дорисовала.

И о том ощущении в Алфаме — что кто-то смотрит вслед, — которое она не стала додумывать.

Потому что если начать додумывать, придётся вспомнить. А вспоминать — это как раскапывать то, что похоронила. И непонятно, что тогда.

За окном Лиссабон дышал. Тихо, солёно, устало.

Аня закрыла глаза.

Не заснула ещё долго.

Глава 2. Максим

Он никогда не снимал людей в спину.

Это было правило, которое он придумал ещё в двадцать три года и с тех пор не нарушал — даже когда спина была идеальной, даже когда свет падал так, что хотелось нажать кнопку раньше, чем успеваешь подумать. Человек в спину — это человек, который не знает, что его видят. Нечестно. Максим не любил нечестное.

Правда, в последний год он почти не снимал вообще. Поэтому правило соблюдать было несложно.

Камера висела на плече — привычка, от которой он не мог избавиться, как не могут избавиться от привычки носить ключи от квартиры, которой уже нет. Просто висела. На всякий случай. На случай если.

Случай не наступал.

Утро он провёл в комнате.

Комната была съёмной — небольшой, с окном во двор, с кроватью, у которой скрипела средняя пружина, и со шкафом, где на одной вешалке умещались все его вещи. Максим снял её на месяц, потом продлил ещё на месяц, потом ещё. Хозяйка — донья Инеш, семьдесят лет, вечный чёрный жакет, взгляд человека, который всё понимает и ни о чём не спрашивает, — брала деньги, оставляла у двери иногда маленький пирог с рыбой и больше не беспокоила.

Максим ценил людей, которые не беспокоили.

Он лежал на кровати и смотрел в потолок. Потолок был с трещиной — длинной, почти прямой, шедшей от угла к центру и там теряющейся. Он изучил эту трещину так хорошо, что мог бы нарисовать по памяти. Это было, пожалуй, единственное, что он изучил за последние три месяца.

Телефон лежал рядом. На экране — три непрочитанных сообщения от редактора Гриши, одно от отца, одно от Кати. От Кати он не читал уже две недели. Не потому что злился. Просто не знал, что отвечать на сообщения, написанные ровным, чуть усталым тоном человека, который уже всё для себя решил, но на всякий случай ещё проверяет — не изменилось ли.

Не изменилось.

В девять он встал. Умылся. Выпил воды прямо из-под крана — донья Инеш говорила, что в Лиссабоне можно, вода хорошая. Нашёл куртку. Взял камеру. Вышел.

Лиссабон встретил его октябрём.

Максим любил октябрь в южных городах — это месяц, когда жара наконец-то сдаётся, но тепло ещё остаётся, как остаётся запах духов после того, как человек ушёл. Воздух становится плотнее, золотее, чуть горьче. Хочется дышать медленно, чтобы не расходовать зря.

Он шёл без маршрута. Это тоже была привычка — в чужих городах не планировать, просто идти туда, куда поворачивает нога. Когда-то это давало кадры. Сейчас просто давало движение, что тоже было неплохо — лучше, чем потолок с трещиной.

Руа-де-Санта-Марта.

Узкая улица, жёлтые стены, горшки с геранью на каждом балконе — лиссабонская герань была везде, как будто весь город негласно договорился об одном и том же цветке. Максим поднял взгляд. На одном из балконов пожилой мужчина поливал цветы. Делал это медленно, тщательно, с видом человека, для которого это не рутина, а что-то вроде ритуала. Разговор с кем-то, кто не отвечает словами.

Максим остановился.

Рука сама потянулась к камере.

Он поднял её. Навёл. Палец лёг на кнопку.

И не нажал.

Убрал камеру. Продолжил идти.

Он и сам не мог бы сказать, почему. Кадр был хороший — свет, фактура стены, этот старик с лейкой, вся эта тихая сосредоточенность. Гриша бы сказал: «Вот это твоё, Барков, вот за это тебя и любят». Гриша вообще много говорил о том, за что Максима любят. Как будто это должно было помочь.

Не помогало.

На площади Мартинс-Монис стояли голуби и один человек с газетой.

Человек был примерно одного с Максимом возраста — может, чуть старше, — в дорогом пальто, которое в этот октябрьский день было явно лишним. Он читал газету с выражением, которое Максим научился узнавать: человек не читает, человек делает вид, что читает, потому что ему нужно куда-то деть руки и глаза, пока он ждёт чего-то или кого-то, о чём не хочет думать вслух.

Максим сел на скамейку напротив.

Вытащил из кармана блокнот — маленький, потрёпанный, который он носил вместо камеры в дни, когда камера была слишком тяжёлой. Не фотографически тяжёлой — просто тяжёлой. Открыл на случайной странице.

Там было написано — его почерком, он не помнил когда: *«Вещи, которые я помню лучше всего, — это вещи, которых я не сделал».*

Он посмотрел на эту фразу долго.

Закрыв блокнот.

Голуби переместились к его ногам — по-деловому, без лишнего пафоса. Максим не стал их кормить. Хлеба не было. Впрочем, голуби, кажется, и не рассчитывали — просто проверяли на всякий случай, это у них такая работа.

Человек с газетой поднял взгляд. Посмотрел на Максима. Снова в газету.

— Вы русский? — сказал он вдруг. По-русски.

Максим поднял глаза.

— Да.

— Видно. — Мужчина опустил газету на колени. — По тому, как сидите.

— Как я сижу?

— Как будто вам не очень нужно, чтобы вам было хорошо.

Максим смотрел на него.

— Игорь, — представился мужчина, не вставая. — Три года здесь. Архитектор. Скучаю по нормальному хлебу.

— Максим. — Пауза. — Фотограф. Не скучаю ни по чему конкретному.

— Это хуже, — сказал Игорь.

— Знаю, — согласился Максим.

Они помолчали. Голуби потеряли к ним интерес и переместились к урне.

— Вы давно здесь? — спросил Игорь.

— Три месяца.

— А до этого?

— До этого — везде. Токио. Стамбул. Берлин. Буэнос-Айрес.

— И как?

Максим подумал.

— Везде одинаково, — сказал он.

Игорь кивнул с видом человека, который понимает, о чём речь, потому что сам через что-то похожее проходил — или проходит, только пальто у него дороже и газета в руках, чтобы было куда смотреть.

— Лиссабон другой, — сказал Игорь.

— Все так говорят.

— Потому что правда. — Он снова поднял газету, но читать не стал. — Этот город умеет ждать. Другие города — они торопят, давят, требуют. А этот просто ждёт. Пока ты сам не будешь готов.

— К чему?

Игорь пожал плечами.

— К чему угодно.

Максим посмотрел на площадь. На жёлтые стены, на голубей, на мужчину с газетой, который, кажется, никуда не торопился и никого не ждал — или ждал, но научился делать это красиво.

— Вы женаты? — спросил Максим.

— Был. — Без паузы, без тяжести — просто факт. — Теперь нет.

— Здесь познакомились?

— Нет. Привёз. Она не смогла. Уехала.

— Жалеете?

Игорь опустил газету. Посмотрел на Максима — прямо, спокойно.

— Каждый день. — Пауза. — И ни разу.

Максим кивнул. Это был честный ответ. Честные ответы он ценил.

Они ещё немного посидели. Солнце передвинулось, и тень скамейки выросла и накрыла ноги. Где-то далеко скрипнул трамвай.

— Вы снимаете? — Игорь кивнул на камеру.

— Пытаюсь, — сказал Максим.

— Что значит пытаюсь?

— Значит — хожу с камерой. Иногда поднимаю. Иногда нет.

— А раньше?

— Раньше — нажимал.

Игорь снова кивнул. Встал, сложил газету под мышку, застегнул пальто — лишнее в этот день, но, видимо, у него были свои причины.

— Есть один бар, — сказал он, — на Руа-дас-Порташ-де-Санта-Антания. Туда не ходят туристы, потому что снаружи страшненько. Внутри — хорошо. Называется «О Тибетано». Если вечером делать нечего.

— Спасибо, — сказал Максим.

Игорь ушёл. Максим остался.

Голуби вернулись.

Он нашёл кафе случайно.

Вернее, не кафе — переулок, который вёл к кафе. Он просто шёл, свернул, увидел вывеску — «А Жанела» — и зашёл, потому что хотел кофе и потому что внутри было тихо, что в Лиссабоне в полдень — редкость.

Внутри сидело несколько человек. Две женщины у окна — о чём-то разговаривали, одна рыжая, громкая, другая... Максим скользнул взглядом и отвернулся. Сел у стойки, спиной к залу.

— Галан, — сказал он хозяину. Чёрный кофе, без лишних слов.

Кофе принесли быстро. Максим обернул пальцы вокруг чашки и смотрел в стойку. Рядом лежала чья-то забытая газета — португальская, он разбирал через слово. Заголовок про выборы. Другой — про пожары на севере страны.

Из-за спины доносился разговор двух женщин — не слова, просто интонации. Рыжая говорила быстро, другая — медленнее, с паузами, как будто каждое слово сначала проверяла изнутри, прежде чем выпустить.

Максим не прислушивался. Просто пил кофе.

Потом встал, оставил деньги, вышел.

На улице он остановился — закурить, хотя бросил два года назад и сигарет не было. Просто привычка останавливаться. Он стоял у двери и смотрел на улицу, на трамвайные пути, на кошку, которая шла вдоль стены с видом существа, у которого есть конкретная цель и конкретный маршрут.

Внутри у стойки осталась его чашка — ещё тёплая.

Он этого не знал.

День заканчивался на мирадоуре.

Граса — его любимое место в городе, хотя «любимое» было, пожалуй, слишком сильным словом. Скорее — место, куда он возвращался, потому что с него видно весь Лиссабон сразу, от реки до холмов, и в этой панораме было что-то успокоительное: весь город как на ладони, весь — снаружи, и ты стоишь и смотришь, и не нужно в него входить, не нужно быть его частью, можно просто — смотреть.

Он стоял у парапета. Солнце садилось в Тежу — медленно, нехотя, красило воду сначала золотым, потом медным, потом почти красным.

Рядом появился кто-то — не Игорь, другой, незнакомый, с бокалом вина. Встал чуть поодаль. Тоже смотрел.

Максим достал телефон.

Три сообщения от Гриши. Он открыл первое.

«Макс, клиент из National Geographic снова спрашивает. Это большой материал, Португалия — природные парки, побережье, три недели работы. Ты в форме? Скажи да, я не могу больше им отказывать».

Второе: *«Макс».*

Третье: *«Ты вообще живой?»*

Максим смотрел на экран.

Потом открыл сообщение от Кати — наконец, впервые за две недели. Коротко.

«Документы готовы. Когда подпишешь — напиши нотариусу. Всё хорошо, Макс. Правда».

Всё хорошо. Она умела говорить это так, что было понятно: она имеет в виду именно это, никакого подтекста. Катя вообще умела говорить прямо — это было одним из качеств, которые он в ней любил. И одной из причин, по которым ничего не вышло: он не умел в ответ.

Он убрал телефон.

Солнце почти ушло. Лиссабон внизу зажигал огни — медленно, один за другим, как будто город вспоминал сам себя после дня забывания.

— Красиво, — сказал сосед с вином, ни к кому конкретно.

— Да, — согласился Максим.

— Вы здесь давно?

— Три месяца.

— А кажется, что только приехали.

Максим посмотрел на него.

— Почему?

— Смотрите так, — мужчина кивнул вниз, на город, — как будто ещё не решили, остаться или нет.

Максим ничего не ответил.

Огни внизу множилось. Где-то в городе — далеко, едва слышно — звучало фаду. Женский голос, усталый и красивый. Максим не понимал слов, только интонацию: так поют о том, что было и чего уже не вернуть, и о том, что, может, и не было — но всё равно болит.

Он поднял камеру.

Навёл на город.

Нажал.

Один кадр. Первый за несколько недель. Он посмотрел на экран — размыто, не в фокусе, горизонт завален. Обычно он бы удалил.

Не удалил.

Убрал камеру. Остался стоять.

Внизу жил город, который умеет ждать — так сказал Игорь, и Максим не был уверен, верит ли он в это, но что-то в этой мысли было, что-то, за что хотелось зацепиться.

Он подумал о Грише и о National Geographic.

О Кате и о документах у нотариуса.

О старике с геранью, которого не снял утром.

О том, что написал в блокноте когда-то: *вещи, которые помню лучшие всего — это вещи, которых не сделал.*

Фаду внизу всё звучало. Голос держался на одной долгой ноте — не отпускал, не давал закончиться, тянул звук туда, где слова уже не нужны.

Максим слушал.

И думал о том, о чём старался не думать.

О том вечере — сколько лет уже, семнадцать? восемнадцать? — когда он стоял в трёх метрах и держал в руке телефон, и знал её номер наизусть — она продиктовала его месяц назад, просто так, на случай, — и набрал первые три цифры.

И убрал телефон.

И ушёл.

И она ушла.

И это продолжалось, в разных городах, в разных обстоятельствах, с разными людьми между — продолжалось это странное, невозможное, немое *почти*, которое он не умел ни назвать, ни закончить.

Максим смотрел на Лиссабон.

Город смотрел обратно — спокойно, без осуждения, как смотрят на кого-то, кто пришёл наконец туда, куда давно должен был прийти. Просто чуть опоздал.

— Ещё вина? — сосед протянул бутылку.

— Нет, — сказал Максим. — Спасибо.

Он постоял ещё немного.

Потом развернулся и пошёл вниз по улице — в сторону Байру-Алту, в сторону своей комнаты с потолком с трещиной, в сторону трёх непрочитанных сообщений Гриши.

На Руа-да-Прата он почти свернул в кафе — то самое, «А Жанела», — снова захотелось кофе, вечернего, горького. Замедлил шаг.

Прошёл мимо.

Внутри у окна горел свет.

Он этого не видел — не обернулся.

Ночью он лежал и смотрел в потолок.

Трещина шла от угла к центру — он мог бы нарисовать её с закрытыми глазами.

Телефон лежал рядом. Он открыл контакты и прокрутил вниз — не к Грише, не к Кате.

К имени, которое не удалял никогда. Которому не писал никогда. Которое просто было — лежало в телефоне как что-то, от чего рука не поднимается избавиться.

Он смотрел на экран.

Город за окном дышал — тихо, солёно, устало.

Максим убрал телефон.

Закрыв глаза.

Подумал: завтра.

Хотя знал, что это неправда.

Глава 3. Аня. 2005

Она надела то синее платье.

Мама говорила: *не надевай синее, ты в нём бледная*. Подруга Ира говорила: *надевай синее, у тебя в нём глаза*. Аня выбрала Иру — не потому что Ира была права, а потому что в семнадцать лет выбираешь ту правду, которая ближе к тому, чего хочешь.

А хотела она, чтобы он заметил.

Это было, в общем-то, всё. Никаких сложных планов, никаких сценариев. Просто — чтобы посмотрел. Чтобы подошёл. Чтобы что-то произошло, пусть маленькое, пусть даже просто «привет, ты тоже здесь», — лишь бы это лето, этот год, этот последний школьный вечер не закончились так, как заканчивалось всё между ними: красиво и ни о чём.

Максим Барков сидел у неё под кожей уже восемь месяцев.

Аня понимала, что это звучит странно. Но именно так это и было — не в голове, не в сердце, а глубже, в каком-то месте, где слова заканчиваются и начинается что-то другое, чему она не знала названия. Он появился в их классе в феврале — перевёлся из другой школы, пришёл тихо, сел у окна, смотрел так, будто видел что-то, чего остальные не замечали. Не высокомерно — просто иначе.

Ира сказала: *симпатичный, но странный*.

Аня сказала: *да, симпатичный*.

И промолчала про остальное.

Актный зал был украшен шарами — красными и золотыми, школьные цвета. Играла музыка, которую выбрал кто-то из десятого «Б» и которую никто особенно не слушал. Пахло духами, и чем-то сладким из буфета, и немного — краской, потому что стены покрасили специально к выпускному и краска ещё не до конца высохла.

Аня стояла с Ирой у дальней стены и делала вид, что ей хорошо и весело.

— Ты его ищешь, — сказала Ира. Не вопрос.

— Я просто смотрю.

— На него.

— На всех.

— Аня.

— Ир.

Они посмотрели друг на друга. Ира была её лучшей подругой с третьего класса, знала её так хорошо, что иногда это было некомфортно — как когда кто-то знает твой пароль не потому что ты сказала, а потому что просто угадал с первого раза.

— Скажи ему, — сказала Ира.

— Что скажу?

— Что он тебе нравится. Что ты хочешь, чтобы он написал. Что угодно, Ань, просто скажи что-нибудь, потому что потом всё разведутся и будет уже некогда.

Аня посмотрела в зал.

Он был там — у противоположной стены, с Денисом Кравцовым, своим единственным другом в классе, таким же тихим. Максим был в тёмной рубашке, немного мятой, и смотрел куда-то в сторону — не на неё, не на танцующих, просто — в сторону, туда, где было окно и где за окном был вечер.

Аня смотрела на него и думала: вот если бы можно было просто взять и подойти. Просто сказать: *привет, я рада, что ты был в нашем классе*. Не больше. Этого бы хватило.

— Не могу, — сказала она.

— Почему?

— Потому что если скажу и ничего не получится — это будет конец.

— А если не скажешь — тоже конец. Просто другой.

Аня знала, что Ира права. Ира почти всегда была права в таких вещах — у неё был какой-то особый талант видеть, когда человек стоит перед выбором между двумя видами потери. Это был полезный талант. И совершенно бесполезный одновременно — потому что знать, что оба пути ведут к потере, не делает выбор легче.

— Я подойду, — сказала Аня. — Потом.

— «Потом» — это твоё любимое слово, — сказала Ира.

— Я знаю.

Потом растянулось на два часа.

Были танцы, и речи директора, которые никто не слушал, и фотографии — общие, по классам, по парам, — и буфет с лимонадом и пирожками, которые были сухими, но все ели, потому что это традиция. Аня танцевала с Ирой, потом с Серёжей Коротковым, который давно и безнадежно был в неё влюблён и которому она давно и аккуратно давала это понять, и каждый раз чувствовала себя виноватой — перед ним за то, что не может ответить, и перед собой за то, что думает в этот момент не о нём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.